

Синьки не горят

В московских музеях открылись выставки двух великих «бумажников»: Пьетро Гонзаги и Якова Чернихова

Николай Малинин

Достоевский говорил, что мечтать о романе гораздо лучше, чем писать его. Но все-таки писал. В 28 дней укладывался. Но что такое архитектор, который не строит дома, а только о них мечтает? В парадигме прагматизма – графоман какой-то, бездельник, мечтатель. В парадигме романтизма – «визионер». А по-нашему – «бумажник».

Последний термин появился во второй половине 80-х, когда молодые русские архитекторы, лишённые возможности строить, вкладывали весь свой дар в международные «бумажные» конкурсы – и повсеместно побеждали. Но столкновения с реальностью (заказчик, градсовет, стройка) почти никто из них не выдержал. Последние десять лет они в основном мучаются, комплексуют, интригуют и производят на окружающих тягостное впечатление.

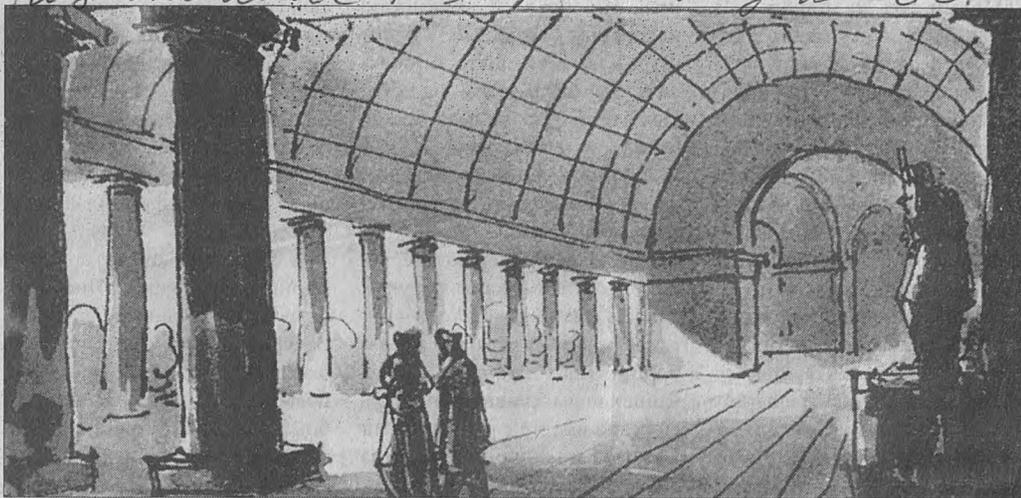
Но величия ими сделанного это как-то совсем не отменяет.

ти, но как дети декаданса добавляли в нее перца. Смещали пропорции, утрировали, заостряли.

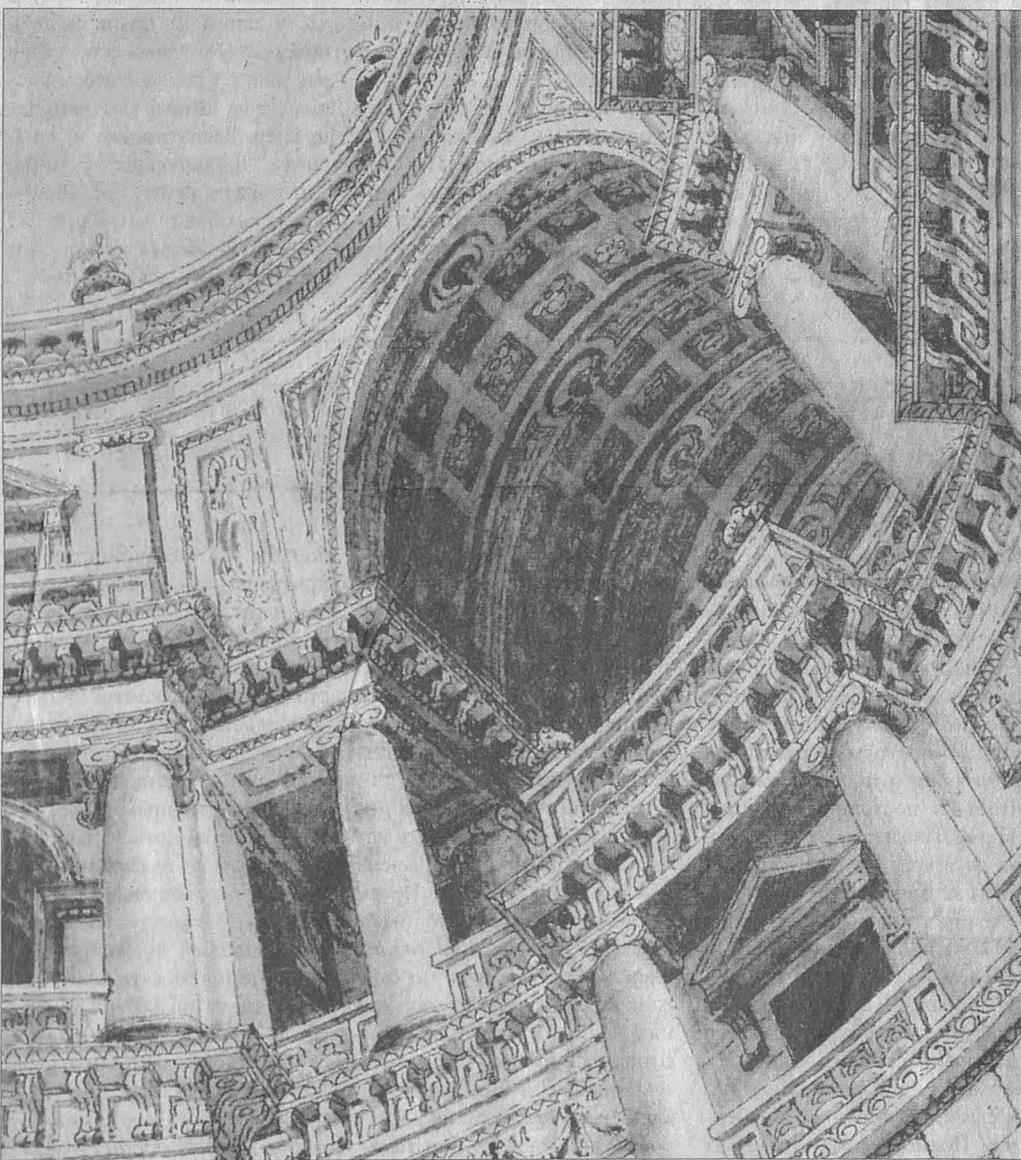
Если настроения той эпохи – символизм, мистицизм, религиозный подъем (в любом случае – ощущение того, что миров два), то ключ к ее искусству – театр. Но в этом переживании архитектуры как театра у неоклассиков был предшественник – Пьетро ди Готтардо Гонзага. Открывшаяся позавчера в Музее архитектуры выставка его графики поражает как «мирикусническим» видением пространства, так и стилистически близким его оформлением. Боквые ракурсы, утрированный передний план, буйство светотени. Перо его словно бы дрожит – и колонны пухнут, как у Фомина.

Переехавший в сорок лет из Италии в Петербург, он расписывал потолки в Павловске, планировал тамошний парк, оформлял триумфальные арки, но в основном рисовал декорации. Мечтая о том, чтоб на сцене все было правдоподобно,

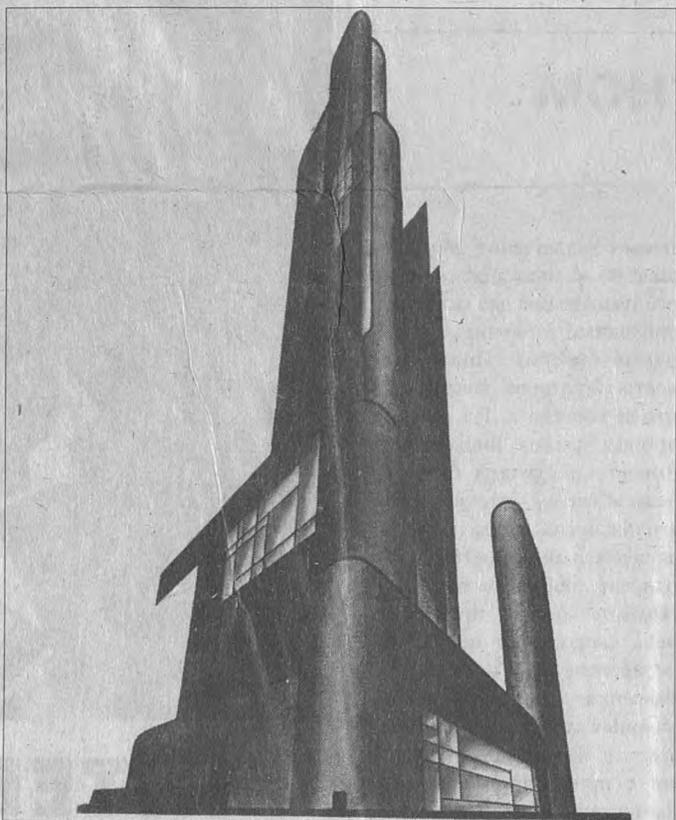
Независимая газ. – 2001 – 21 сен. – с. 8.

Кажется, что это рисунок из журнала «Мир искусства». А это эскиз декорации Пьетро Гонзаги, сделанный веком раньше.

А это уже какой-то родченковский ракурс. На самом деле – проект росписи плафона в Павловском дворце.

Все эти формы были не раз воплощены в камне – только не Черниковым (музей-памятник борцам революции, 20-е годы).

История новейшей русской архитектуры начинается именно с них. Некоторые находят их влияние даже в «московском стиле». Но все эти лужковские башенки как минимум плохо нарисованы – а по части рисования «бумажникам» равных не было. Да, просто потому, что им не было нужды задумываться о том, как это сделает строитель, – они думали о том, как это может быть. Как это должно быть.

В истории русской архитектуры был краткий миг, когда зодчий шел на поводу у художника. Вся неоклассика 1910-х годов словно бы соскользнула с листов «мирикусников». Разбухшие колонны, застекленные арки, полуротонды и руст на полдома – все это рисовали Добужинский, Сомов и Лансере, а Фомин, Шуко и Лялевич строили. Как люди образованные они не могли не любить античнос-

Гонзага – прекрасно зная законы оптики – понимал, что на бумаге для этого все должно быть немного не так. С этого «не так» и потек в русскую архитектуру ручеек художничества, о чем сам Гонзага говорил: «Цель декорировки – делать великолепным, выразительным все то, что строительное искусство сумело бы сделать только прочным, удобным, пристойным».

Но прошло полтора века – и художники разом отреклись от «украшательства» и «архитектурных излишеств». Русский авангард увидел красоту в конструкции здания – те самые прочность и удобство. Но художником архитектор быть не перестал, и самый яркий пример тому – Яков Черников, чья выставка открыта в Третьяковской галерее. Он, как и Гонзага, практически ничего не постро-

ил, но предвосхитил едва ли не весь XX век. Это пафосное словечко выставка наполняет конкретным содержанием: в черниковских фантазиях есть «дома на ножках» Корбюзье, полусферы Нимейера, небоскребы Америки, законченный год назад комплекс Виго в Дефансе.

Практически энциклопедия. И это не только конструктивизм с его врезанными друг в друга объемами, глухими плоскостями, мачтами, ленточными окнами. Все без исключения формы, использованные XX веком, уже есть у Чернихова. Но сколько в нем еще остается! Как он любит развешивать объемы в воздухе – словно бы прозревая будущие «пробки»; как обожает цилиндр – неизбежный в уплотняющейся застройке; как он занимается цветом – догадываясь о кошмаре грядущей серости.

Нас дурили, говоря, что пятиэтажки – это наследие авангарда. Черников горячо протестовал против «голой коробочной архитектуры, не удовлетворяющей наш глаз». Из Чернихова пятиэтажки не выводятся никак – но именно потому, что таких, как он, задушили, в них и живем. В отчаянии в 1938 году он пишет письмо Сталину. Уверяет, что «пытается отразить мощь и силу социализма», признает свои ошибки, но при этом призывает увидеть в своих работах то, «что двигает прогресс архитектуры». Удивительно, насколько он прав в том, что касается будущего, и насколько смещен в том, что касается настоящего.

Видя, что его фантазии никому не нужны, он принимается сочинять «Дворцы коммунизма». Это уже почти сталинская классика – колонны, арки, ги-

гантнизм, но рука фантазера видна и тут. Взметнувшаяся полурка, символизирующая прежде полет авангарда, классицизируется, становится знаком совсем иной архитектуры. Линия, конструкция, объем – все это уходит, растворяется в акварельном месиве. Его называли «советским Пиранези» – но в этих «Дворцах» ты видишь прежде всего «Тюрьмы»...

Этот пиранезиевский цикл на удивление «интернетен». Там нет целого – всегда только фрагменты; нет центра, конца, начала – лишь переходы да перекарты; нет цели – есть одно непрерывное движение. Про Чернихова такого сказать нельзя, но то, что рядом с его проектами висят сделанные по ним компьютерные модели, свидетельствует, что всякое талантливое визионерство рано или поздно кому-нибудь понадобится. ■